

МАРИЯ КИЧА

СТАМБУЛ

перекресток эпох,
религий и культур

Мария Вячеславовна Кича
Стамбул. Перекресток
эпох, религий и культур
Серия «Биография
великих городов мира»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63072882

Стамбул: перекресток эпох, религий и культур:

ISBN 978-5-04-111004-8

Аннотация

Стили и эпохи, традиции и судьбы, прошлое, настоящее и будущее затейливо и непредсказуемо переплетаются в этом городе, подобно узору на коврах его мечетей. Как и несколько веков назад, здесь пьют чай из стеклянных стаканчиков и жарят скумбрию на пристанях. В автомобильном потоке маневрируют торговцы, несущие на головах деревянные подносы с товаром.

Люди смешиваются в пестрый и многоликий поток, растекающийся по улицам, как кровь по венам. Это – шумное дыхание Стамбула, его неровно бьющийся пульс, его рваный ритм и негасимый внутренний огонь – живой и жаркий. Если бы его камни могли говорить, они поведали бы сотни легенд о любви и ненависти, дружбе и предательстве, славе и позоре. В этом могучем суматошном городе, бурлящем, будто котел с

чорбой – турецким супом, хочется наслаждаться каждой минутой, щуриться от босфорского ветра – и верить, что все дороги ведут... в Стамбул.

Мария Кича – кандидат наук, преподаватель, автор книги «Мекка. Биография загадочного города». Владеет турецким, армянским, английским, итальянским, арабским и ивритом. Многие годы путешествует по Ближнему Востоку и соседним регионам, изучая местную историю и культуру. Неоднократно бывала в Турции, Египте, Марокко, Тунисе, Алжире, Ираке, Сирии, Ливане, Иордании, Палестине, Израиле, ОАЭ, Бахрейне, Катаре, Омане, Азербайджане и Иране. Ведет паблик о культуре и истории Ближнего Востока «Первый ближневосточный», на который подписано более 35 000 человек.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	7
Глава 1	16
Глава 2	37
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мария Кича

Стамбул: перекресток эпох, религий и культур

Моим родителям

Существуют места, где история неизбежна, как дорожное происшествие, – места, чья география вызывает историю к жизни. Таков Стамбул, он же Константинополь, он же Византия.

Иосиф Бродский «Путешествие в Стамбул»

Мне кажется, другие города могут быть смертны, но этот город будет стоять до тех пор, пока люди живы на земле.

Пьер Жиль «Древности Константинополя»

Ах, Стамбул! Из всех способных заморозить меня имен это остается самым волшебным.

Пьер Лоти

Если кому-либо суждено взглянуть на мир лишь раз, ему следует обратить взор на Стамбул.

Альфонс де Ламартин

Тысячью рук я касаюсь тебя и любимого Стамбула. Тысячью глаз я смотрю на тебя и

*любимый Стамбул.
Назым Хикмет*

© Кича Мария Вячеславовна, текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Введение

*Стам-бул. Два слога, подобные удару колокола.
Подобные удару набата.
Подобные удару сердца.*

О дивном городе на берегах Босфора рассказывали «отец истории» Геродот и «отец географии» Страбон. Ему посвящали стихи, песни и легенды. Ради него жертвовали кровью и жизнью. Подобно магниту, он испокон веков притягивает людей и деньги.

Византий-Константинополь-Стамбул упоминается в греческих мифах, римских документах, арабских летописях, персидских сочинениях, византийских хрониках, скандинавских сагах и франкских манускриптах. Греки именовали его Бизантионом, Константинией, Константинополисом (городом Константина) и Василевуса полисом (городом василевса); римляне – Новым Римом и Вторым Римом; армяне – Мец полисом (Большим городом); евреи – Куштой и Куштандиной; славяне – Царьградом. У купцов и путешественников из Южной и Восточной Азии имелись собственные топонимы для обозначения Стамбула – так, у китайцев их насчитывалось около десятка. Арабы использовали названия «Истинполин» и «Румийат аль-Кубра» («Великий город римлян»); персы – «Тахт-е Ром» («Трон римлян»); тур-

ки – «Станполи» и «Истанбул». Среди официальных османских наименований Стамбула были «Центр халифата» («Дарюльхилафе») и «Столица» («Пайитхат»); среди поэтических – «Обитель государства» («Дер-я Девлет») и «Обитель счастья» («Дер-я Саадет»).

Стамбул – не просто точка на карте. Это неотъемлемая часть материальной и духовной культуры человечества. Сегодня православные христиане всего мира произносят молитвы, созданные на берегах Босфора. Описывая осаду Минас-Тирита в культовом романе «Властелин колец», Джон Толкин вдохновлялся средневековыми преданиями об осадах Константинополя арабами и турками. Из османской столицы в Европу попали вишня, кофе, тюльпаны, рахат-лукум, шербет, шаурма, пахлава, кушетки-оттоманки, кальяны и туфли с загнутыми носами. Экзотические товары на протяжении веков поставляли на Запад из Стамбула – даже в XVII веке, когда диковинную для европейцев индейку начали привозить из Северной Америки, англичане по привычке приняли ее за турецкий продукт. Жители Британских островов окрестили птицу «turkey»; такое же название имеет в английском языке сама Турция.

Вследствие уникального географического положения Стамбул играл роль посредника между Западом и Востоком, включая Индию, Китай, арабский мир и Персию. Это прослеживается благодаря этимологии заимствованных слов: так, слово «нефть» происходит от турецкого «neft», которое

образовано от персидского «нафт» (نفت). Название лимонада «тархун» содержит отсылку к турецкому «targun» и, соответственно, арабскому «тарохун» (طرخون) – наименованию эстрагона (растения, из которого делают напиток), и т. д.

Современный Стамбул – это живая история. Если облик Рима или Парижа сохранился в архитектурных памятниках и достопримечательностях, то город на берегах Босфора не превратился в пресловутый «музей под открытым небом», где интерес вызывают разве что обломки византийской и османской цивилизаций. Напротив – в Стамбуле артефакты прошлого функциональны. Они не служат декорациями для современной жизни, создавая иллюзию ее величия и значимости. От каждого здания, от каждой улицы и каждого камня вглубь истории тянутся невидимые нити, связывающие эпохи, религии, континенты и людей. Запад перенял у Востока не меньше, чем Восток у Запада (глава 16 «Мудрость веков» и глава 9 «Между Европой и Азией» соответственно) – несмотря на принципиальные различия, они немыслимы друг без друга. Стамбул неоднократно отуречивался и вестернизировался, и за его многогранностью и многоликостью стоят величайшие предки – Римская империя, Арабский халифат¹ и, конечно, Византия.

¹ Арабский халифат – собирательное название исламских государств, возник-

Знаменитый турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Орхан Памук, проживший на берегах Босфора более полувека, передает в книге «Стамбул. Город воспоминаний» ощущение отчужденности, привычное всем стамбульцам. По словам Памука, в этом городе, застывшем между традиционной и западной культурами, постоянно открытом для переселенцев и разделенном на общины и землячества, за последние 150 лет никто не чувствовал себя «вполне дома».

Невозможно узнать, понять и полюбить Стамбул, не узнав, не поняв и не полюбив Константинополь. Для славян византийская столица являлась политическим и духовным центром мира (глава 11 «Русский Стамбул»). Длительное противостояние Оттоманской Порты и Восточной Римской империи закончилось гибелью последней. Но победители позаимствовали у побежденных гораздо больше, чем можно подумать: придворный церемониал (глава 3 «Величие Османов»), приметы и суеверия (глава 12 «Страхи бесстрашных»), правила организации жилого пространства (глава 17 «Город женщин») и кулинарные традиции (глава 19 «Гастрономическая карта города»).

Османе не растратили богатейшее наследие Восточной Римской империи. Собор Святой Софии – главный храм

ших в результате арабских завоеваний VII–IX веков и возглавлявшихся халифами. Включает в себя Праведный халифат (632–661), Омейядский халифат (661–750) и Аббасидский халифат (750–945, 1124–1258).

православного мира – был переделан в мечеть (глава 5 «Город тысячи мечетей»). Из руин крепостных стен Константинополя выросла султанская тюрьма Едикуле (глава 8 «Стены и крепости»). Городской рынок разросся до гигантских размеров Гранд-базара (глава 18 «Сердце Стамбула»). Захватив византийскую столицу в мае 1453 года, османы получили все ее проблемы: пестрый национальный и религиозный состав жителей (глава 10 «Плавильный котел»); бунты янычар – фактически преторианской гвардии (глава 13 «Рабы султана»); эпидемии, пожары и землетрясения (глава 14 «Обратная сторона величия»); криминогенную ситуацию (глава 15 «Культурные особенности и смертельные удовольствия»), а также многое другое.

В современном Стамбуле определенно присутствует *genius loci* – тот самый гений места, которого почитали древние римляне. Город на берегах Босфора, где сходятся нити между Европой и Азией, уже не раз становился неотъемлемой частью человеческих судеб. Он крепко и причудливо сплетал разнообразные идеологии, стили и концепции. Чем дольше вы размышляете об этом, тем больше обнаруживаете взаимосвязей и взаимозависимостей, без которых Запад не был бы Западом, а Восток – Востоком.

Столица четырех империй (Римской, Византийской, Латинской и Османской); резиденция 10 цезарей, 82 василевсов и 30 султанов; один из самых древних городов мира, раскинувшийся на обоих берегах Босфора, на пути из Черно-

го моря в Мраморное и далее – в Средиземное, – Стамбул оглушает, покоряет, влюбляет в себя и не отпускает.

Как его только не называют: город души, город-история, город-легенда, город контрастов, город двух континентов, город тысячи мечетей, ворота Ближнего Востока, последний мегаполис Европы и первый мегаполис Азии. Праздничный и печальный, шумный и уютный, динамичный и величественный – Стамбул, в отличие от иных городов, сумел сохранить себя. Древняя Ангора (Анкара) превратилась в административный центр. Афины зарабатывают на своей античной истории, к коей их нынешние жители не имеет никакого отношения. Багдад – волшебная восточная столица из сказок «Тысячи и одной ночи» – утратил очарование и загадочность. Москва уже давно не боярская и купеческая; Чикаго – не джазовый и гангстерский; Лондон, Вена и Париж лишились былого имперского великолепия.

Пока одни города тускнели, а другие – умирали, Стамбул торговал и сражался, горел и восставал из пепла. Он пережил древних греков, римлян, византийцев и османов; выстоял под градом персидских и арабских стрел, под мечами крестоносцев и артиллерийскими залпами Антанты; возродился после всех войн, мятежей и стихийных бедствий. Он никогда не принадлежал только василевсу или только султану. Образ города веками составляли торговцы, разбойники, банкиры, мусорщики, литераторы, паши², водоносы, янычары, худож-

² Паша – высокий политический титул в Османской империи.

ники, рыбаки и проститутки. Орхан Памук спрашивает: «В чем тайна Стамбула?» – и отвечает: «У города нет иного центра, кроме нас самих».

Для понимания книги следует обратить внимание на административно-территориальное устройство Стамбула. Он делится на 39 ильче – крупных исторических районов. Это Авджылар, Адалар, Арнавуткёй, Аташехир, Багджылар, Байрампаша, Бакыркёй, Бахчелиэвлер, Башакшехир, Бейкоз, Бейликдюзю, Бейоглу, Бешикташ, Бюйюкчекмедже, Газиосманпаша, Гюнгёрен³, Зейтинбурну, Кадыкёй, Картал, Кючукчекмедже, Кягытхане, Малтепе, Пендик, Санджактепе, Сарьер, Силиври, Султанбейли, Султангази, Тузла, Умрание, Ускюдар, Фатих, Чаталджа, Чекмекёй, Шиле, Шишли, Эйюп, Эсенлер, Эсеньюрт.

Ильче состоят из семтов – небольших районов или кварталов, а семты – из махалле. Махалле представляет собой 10–15 улиц с центром в виде мечети, церкви или синагоги (в зависимости от этнического и религиозного состава населения). Махалле – первая административно-территориальная единица Стамбула; средневековый город делился только на них. В старейших махалле до сих пор отсутствуют номера домов. Их исторические названия образованы от имени донатора местного хаммама или мечети – либо от имени

³ Буква «ё» в этом слове не является ударной: в турецком языке она нередко бывает и безударной. Как правило, ударение в турецких словах приходится на последний слог.

жившего здесь человека. Так, махалле Зейрек напоминает о Зейреке Мехмеде-эфенди – первом преподавателе в медресе при местной мечети.

Семт получал название по некой постройке, которая находилась на его территории и служила ориентиром. Это могли быть городские ворота, фонтан, площадь, рынок либо что-то еще. Например, Кумкапы переводится как «песчаные ворота», Йеникапы – как «новые ворота», Топхане – как «пушечный двор», Чаршамба – как «базар по средам». Конечно, есть исключения. Так, топоним «Нишанташи» (тур. nişantaşı – прицельный камень) обозначает уважаемый семт на границе ильче Шишли и Бешикташ. В XVIII веке здесь был организован тир: в землю вкопали камни, на которые ставили глиняные кувшины. Султаны любили стрелять по этим кувшинам из луков (в 1798 году Селим III даже установил рекорд – пущенная им стрела пролетела 889 м).

На туристических картах указывают названия семтов; они более известны, чем многочисленные махалле. Иногда территории семтов и махалле совпадают – например, Баязид и Султанахмет являются одновременно и семтами, и махалле. В общем, административное деление Стамбула – сложная и запутанная тема, которой не до конца владеют даже местные жители.

Древний город вдохновляет и очаровывает – и каждый год тысячи людей оставляют здесь свое сердце. Возникнув в VII веке до н. э. как маленькая греческая деревня, Стамбул пре-

вратился в огромный мегаполис с населением более 15 млн человек, чья площадь в 2 раза превышает площадь Москвы, – в мегаполис, где многие 10-летние дети, живущие в отдаленных районах, никогда не видели Босфор. Формально утратив статус турецкой столицы в 1923 году, Стамбул фактически остался ей. Будучи крупным финансовым, политическим, туристическим и культурным центром, этот город на протяжении веков смешивает взаимоисключающее, сочетает несочетаемое – и одним своим существованием напоминает людям об их ничтожности и величии. Ибо история нужна не только для того, чтобы хорошо знать прошлое, лучше понимать настоящее и прогнозировать будущее. Главное предназначение истории – рассказать нам о нас самих. О том, кто мы. Откуда мы. И куда идем.

Глава 1

Прогулки по Бейоглу

*Самый дальний Восток – уже Запад.
Ричард Тренч*

Вам знакомо это чувство, когда вырываешься на свободу из пыльной, душной комнаты? Солнце светит в глаза, ветер дует в лицо, морская синева на горизонте сливается с небом. На противоположном берегу в голубоватой дымке возвышается Галатская башня. Вот он, один из классических видов Стамбула, который открывается с причала Эминёню на Галату.

Галата – один из старейших районов Стамбула. Он простирается от Галатского моста до площади Таксим. История Галаты неразрывно связана с последними трагическими годами существования Византийской империи. Изначально этот район был генуэзской колонией, основанной на северном берегу Золотого Рога⁴ в 1267 году – напротив крепостных стен Константинополя. Главную постройку Галаты – знаменитую башню – генуэзцы возвели в 1348 году для контроля над Босфором и назвали башней Христа (это наименование встречается на старых планах города). Сооружение

⁴ Золотой Рог (Халич) – залив, впадающий в Босфор. Разделяет европейскую часть Стамбула на северную и южную половины.

башни было призвано увековечить факт расширения генуэзских колоний Константинополя.

5 ФАКТОВ О СТАМБУЛЕ:

1. Стамбул – самый густонаселенный город Европы.
2. В Стамбуле проживает около 20 % населения Турции.
3. По числу ежегодно регистрируемых браков Стамбул занимает второе место в мире после Лас-Вегаса.
4. Стамбульский океанариум – самый большой в Европе.
5. Под Босфором проходит самый глубоководный в мире подземный тоннель для поездов – «Мармарай».

Венецианские и генуэзские купцы появились на берегах Эгейского и Черного морей в XII веке. На тот момент Византия противостояла исламу, спасая раздираемую междоусобными войнами Европу. Западная Римская империя пала еще в 476 году, но Восточная устояла – будучи менее уязвимой, она обладала прочной социально-экономической структурой. Однако, помимо политических и материальных факторов, существует понятие исторической миссии – и пока эта миссия не была выполнена, Византия упорно возрождалась из пепла.

Византия обеспечила непрерывную связь между античностью и современностью. Она защищала восточные рубежи Европы от натиска мусульман: сперва от арабов, а затем от османов. Но Крестовые походы приносили европейским ин-

тересам на Востоке только вред. Генуя поддержала Четвертый крестовый поход (1202–1204), и рыцари захватили Восточную Римскую империю. Константинополь пал 13 апреля 1204 года. Крестоносцы разграбили город, и Византия временно перестала существовать. Христианской державе был нанесен роковой удар, от которого она не смогла оправиться. Место Византии на полвека заняла Латинская империя со столицей в Константинополе. Новое государство возглавил венецианский дож Энрико Дандоло.

После образования Латинской империи Генуя приобрела Крит и Лесбос. Вскоре генуэзцы поняли, что венецианцы, их вечные соперники, получили гораздо больше влияния в Мраморноморском регионе. Поэтому Генуя приняла сторону Никейского царства⁵, чьи правители считали себя преемниками византийских императоров. К 1261 году никейцы с помощью генуэзцев, болгар и греков разгромили Латинскую империю и отвоевали Константинополь. В знак благодарности Генуя получила право сбора пошлин за проход судов через Босфор. Для этого и была основана колония Галата.

Византия так и не возродилась. В XIV веке она представляла собой бледную тень прежней великой державы. Страна была разорена бесконечными войнами, чумой и неграмотной политикой своих правителей. Население Константинополя сократилось в 10 раз (с полумиллиона до 50 тыс. че-

⁵ Никейское царство – государство, образовавшееся в Анатолии после взятия Константинополя крестоносцами (1204) и существовавшее до 1261 года.

ловек). Обнищавшая империя не могла даже отнять у крошечной генуэзской колонии доходы от босфорских пошлин: вооруженная стычка закончилась позорным уничтожением остатков византийского флота. Готовясь к войне с Константинополем, генуэзцы построили крепость, частью которой стала Галатская башня. А тем временем за Босфором уже стояли османы...

29 мая 1453 года войска султана Мехмеда II взяли Константинополь и Галату. Захватчики не разрушили крепость и установили с Генуей консульские отношения. Став частью османского Стамбула, Галата превратилась в многонациональный торговый район. Здесь селились армяне, арабы, итальянцы и евреи (поэтому тут находятся единственный в Турции Еврейский музей и самая большая в стране синагога). Жители Галаты отныне считали себя стамбульцами – когда в 1461 году Лесбос попал в руки турок, генуэзцы из Галаты приняли участие во всеобщем ликовании, организовав праздничный фейерверк.

Это соответствовало неповторимой атмосфере великого города. По словам французского тюрколога Робера Мантрана, Стамбул был воплощением империи благодаря своему космополитизму. Галата не являлась исключением. Ее обитатели жадно и радостно участвовали в жизни столицы – тем более что из Галаты, окруженной водами Босфора и Золотого Рога, в город можно было попасть по Галатскому мосту.

Постепенно бывшая генуэзская колония стала центром

европейской части Стамбула и до 1920-х годов называлась Пера, потом – Бейоглу. Пера по-гречески означает «по ту сторону»; Бейоглу переводится с турецкого как «сын господина» (дословно «сын бея») – по легенде, на рубеже XI–XII веков здесь жил сын византийского императора Иоанна II Комнина. Есть версия, что наименование ильче образовано от слова «байло» (итал. bailo) – должности венецианского посла в Стамбуле; его дворец был самым роскошным зданием Бейоглу. Процесс архитектурных заимствований оказался обоюдным: в XIII веке в Венеции на Гранд-канале завершилось строительство палаццо Фонако деи Турки, выполненного в византийском стиле, характерном для тогдашнего Константинополя.

С 1850-х годов в Перу стали переселяться богатые родовитые, банкиры и коммерсанты. Они активно занимались благоустройством района и придали ему современный облик. Под их покровительством ремонтировались дороги, учреждались патрули, следящие за порядком, открывались и реформировались престижные учебные заведения. Так, в 1863 году был основан Роберт-колледж (ныне Босфорский университет). Спустя 3 года реорганизации подверглось старейшее учебное заведение Турции – лицей Галатасарай в Пере; он был преобразован в соответствии с французскими стандартами. Благодаря состоятельным и неравнодушным горожанам через кварталы Бейоглу – с площади Таксим по центральной улице Истикляль – до сих пор ходит

ретро-трамвай, знаменитый и трогательный символ старого Стамбула. Стамбульцы любовно называют его «носталь-жик» («nostaljik tramway»). Трамвайная линия была проложена в 1871 году и стала одной из первых в Европе. Маленькие красные кабинки зазвенели на берегах Босфора раньше, чем на берегах Темзы.

История Перы неразрывно связана с историей не только городского, но и международного транспорта. В 1892 году для пассажиров «Восточного экспресса», следующего по маршруту Париж – Стамбул, в Бейоглу открыли отель «Pera Palace». Здесь бывали Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Сара Бернар, Альфред Хичкок и другие знаменитости. Эрнест Хемингуэй упомянул «Pera Palace» в рассказе «Снега Килиманджаро»: герой идет в один из дансингов Бейоглу, дерется с английским артиллеристом из-за местной армянки, катается с ней на такси вдоль Босфора и на рассвете возвращается в «Pera Palace». Одним из известнейших гостей отеля стала Агата Кристи – в номере 411 она написала роман «Убийство в “Восточном экспрессе”». Жить в «Pera Palace» любили не только литераторы и кинозвезды, но также монархи и политики: Николай II, Георг V, Франц Иосиф I, Уинстон Черчилль, Лев Троцкий. В холле до сих пор висят старомодные часы, по которым сверяли время европейцы и американцы, прибывшие в Стамбул на «Восточном экспрессе».

Не обошел «Pera Palace» своим вниманием и Мустафа Кемаль Ататюрк. В номере 101, где жил «отец турок», фактиче-

ски создавалась Турецкая Республика. Владелец отеля, ярый поклонник Гази⁶, купил личные вещи вождя у его телохранителя Ридвана Гюрари и сделал из номера небольшой музей. Теперь все желающие могут увидеть пижаму, шляпу и очки Ататюрка, его кофейную чашку, вилку, коробку с зубным порошком – всего 32 предмета. Самым загадочным и зловещим экспонатом считается шелковый гобелен, который в 1929 году подарил Мустафе Кемалю индийский махараджа. На гобелене вышиты часы, показывающие время 9:07. 10 ноября 1938 года Ататюрк умер во дворце Долмабахче на берегу Босфора. Его сердце остановилось в 9:05, спустя еще 2 минуты умер мозг. С тех пор гобелен называют пророческим.

Эта история вписывается в общую атмосферу старины и мистицизма, которой окутывал постояльцев легендарный «Pera Palace». В его номерах и коридорах всегда вершилась политика. После крушения Османской империи и до начала Второй мировой войны отель представлял собой один из центров международного шпионажа. Шпионов было много, и их нужды оплачивались разведками всего мира настолько нерегулярно, что управляющий «Pera Palace» повесил над гостиничной стойкой объявление с адресованной шпионам просьбой уступать кресла в холле постояльцам, исправно платящим по счетам.

В наши дни «Pera Palace» носит звание не только самого

⁶ Почетный титул, принадлежавший Ататюрку.

знаменитого, но и самого старого действующего отеля Стамбула. Он принимает гостей более 125 лет. Его именитым собратьям не повезло. «Grand London» разорился. В здании гостиницы «Bristol» находится банк. «Tokatliyan» (где Агата Кристи поселила Эркюля Пуаро перед убийством в «Восточном экспрессе») долго нуждался в реставрации – в итоге владелец продал номерной фонд разным магазинам. Но «Rega Palace» избежал столь трагической участи. Тяжелые бархатные портьеры, мраморные столешницы, мебель в викторианском стиле – отель не изменился. Сегодня, как и в XIX веке, его роскошные номера по карману весьма немногим.

Бейоглу – самый веселый ильче Стамбула, сродни лондонскому Сохо и парижскому Пигаль. Турецкий прозаик Саит Фаик Абасыянык (1906–1954) писал про него: «Это особенный квартал, где живут турки, русские, армяне, несториане, арабы, цыгане, французы, левантинцы⁷, хорваты, сербы, болгары, персы, афганцы, китайцы, татары, евреи, итальянцы и мальтийцы». В 1716–1717 годах в Пере жил посол Великобритании сэр Эдвард Монтегю с женой. Мэри Монтегю отправляла друзьям подробные письма о жизни в Турции. Позже они были опубликованы в книге «Письма турецкого посольства» (или «Турецкие письма» – по аналогии с романом «Персидские письма» Шарля Луи Монтескье, французского философа XVIII века). Передавая интернациональный

⁷ Левантийцы (левантинцы, латиняне, латины, франки) – римско-католическое население государств Ближнего Востока.

характер Перы, супруга дипломата сравнивает ее с Вавилонской башней. «Мои конюхи – арабы; лакеи – французы, англичане и немцы; кормилица – армянка; управляющий – итальянец; а янычары – турки», – сообщает леди Мэри.

В конце XV века сюда бежали от Реконкисты евреи и арабы. К XIX веку Бейоглу полностью утратил неповторимый колорит старой Турции – сегодня он навевает воспоминания об уютных кварталах Парижа, Лиона и Марселя. Западный дух Бейоглу тонко подметил Орхан Памук. Герой его романа «Мои странные мысли», продавец бозы (традиционного османского напитка), обходит Галату стороной, потому что здесь у него ничего не покупают. Имперский романтизм Стамбула, подобно кислому запаху бозы, совершенно выветрился из этой части города. Впрочем, еще в XVIII веке местные жители утверждали, что нельзя выйти на прогулку по Пере без белых перчаток и кружевного зонтика. Османские серебряные монеты здесь называли пиастрами – на европейский манер. Английский поэт Джордж Байрон, впечатленный Перой, окрестил Стамбул «европейцем с азиатскими берегами». Французский врач Шарль Деваль противопоставляет «блестящую и живую» Перу «обычной скуке» мусульманских кварталов.

В первой половине XX века район заполнили русские белоэмигранты, а после Второй мировой войны – румыны и сирийцы. В одном из неприметных домиков старой Галаты – неподалеку от модных магазинов и казино – осенью 1855

года умер от холеры великий польский поэт Адам Мицкевич. Сегодня, как и 160 лет назад, тусклые желтые фонари в этой части города не могут рассеять непроглядный мрак стамбульской ночи. Писатель-сатирик Аркадий Аверченко открыл в Пере ресторан «Гнездо перелетных птиц», который посещали эмигранты, сумевшие вывезти из России ценные вещи и валюту. Среди прочих развлечений Бейоглу числились салон хиромантии, кафешантан «Конкордия» с третьесортными певицами со всей Европы (они боялись только переезда в Порт-Саид, бывший в их понимании окраиной цивилизации) и тараканы бега. Одного таракана звали Янычар – как и его соплеменника в пьесе Михаила Булгакова «Бег».

О многоликости Бейоглу свидетельствуют даже вывески. Месопотамский культурный центр, где показывают курдские фильмы. Ресторан «Rejans», предлагающий гостям огненный борщ и лимонную водку. Кофейня «Andon Cafe Bar» с 55 сортами кофе. Бар на крыше ресторана «Nu Teras» с танцполом на высоте 7-го этажа и прозрачным полом. Еще одна зарисовка, характеризующая Бейоглу, – ранним утром в Рамадан пьяные, шатаясь, ходят по улицам вместе с барабанщиками. Барабанщики будят правоверных, дабы те успели позавтракать и покурить перед началом дневного поста. Словом, Бейоглу живет настолько вольной жизнью, что турецкие консерваторы регулярно предлагают сровнять с землей этот «рассадник разврата».

Публичные дома (генелев) в Турции легальны. Стамбуль-

ским «кварталом красных фонарей» считаются семты Бейоглу – Зурафа, Бекяр и Замбак в квартале Галатасарай; местные бордели работают еще со времен султана Абдул-Хамида I. Известнейший притон находился прямо под Галатской башней – в память о первых ценах он назывался «İkibu uk genelev» («Бордель за две лиры»). Его хозяйка Матильда Манукян, самая богатая женщина Турции, являлась добросовестным налогоплательщиком. Суммы, выплачиваемые мадам Матильдой в государственную казну, впечатляли – так, в 1994 году они составили более 10 млн долларов; в казну Стамбула поступило 1,2 млн.

Манукян называли «королевой борделей». Предприимчивая женщина открыла по всей стране сеть публичных домов, приносивших огромные доходы. Только бордели в Бейоглу ежегодно зарабатывали для своей хозяйки около 4 млн долларов. Помимо этого, она владела 37 торговыми центрами, гостиницами в Анталье и Аланье, заводами по производству пластиковых изделий, текстильной фабрикой и островом в Мраморном море. Все имущество оценивалось экспертами в несколько сотен миллионов долларов.

Матильда Манукян построила свою бизнес-империю на основе неукоснительного соблюдения законов. В 1994 году она в шестой раз получила «Золотую плакетку» – памятную медаль от правительства Турции. «Королева публичных домов» занималась благотворительностью – например, в 1995 году перечислила 36 тыс. долларов на ремонт Стамбульского

неврологического диспансера. Кроме того, мадам Матильда принимала деятельное участие в жизни армянской общины Стамбула и являлась ее главным спонсором.

Несмотря на уважение к закону и активную гражданскую позицию, у Матильды Манукян имелось немало врагов и недоброжелателей. Однажды на официальном обеде турецкий премьер-министр Тансу Чиллер отказалась сидеть рядом с «королевой борделей». В атмосфере назревавшего скандала Манукян осталась невозмутимой и после заявила журналистам: «Я видела много премьер-министров. Премьер-министры в Турции меняются очень часто, а мадам Манукян одна».

Социалисты не любили ее за богатство, консерваторы и исламисты – за аморальность, националисты – за то, что она была армянкой. Осенью 1995 года на 80-летнюю Манукян совершили покушение – в ее автомобиле взорвалась бомба. Водитель и охранник погибли, мадам Матильда лишилась ноги. Оправившись от ран, эта удивительная женщина прожила еще 6 лет, до последнего вздоха управляя своей бизнес-империей, которую унаследовали ее дети и внуки. Такова вкратце история Матильды Манукян – одного из ярких персонажей старого Стамбула и его самого злочного района, Бейоглу.

Манукян была не единственным живым символом Бейоглу. Стамбульцы хорошо помнят аккордеонистку Анаит Варан (1917–2003), или мадам Анаит. Более 40 лет она испол-

няла в ресторанах Бейоглу танго, армянские, греческие и турецкие мелодии. Веселая и артистичная мадам Анаит олицетворяла собой космополитизм великого города, его удивительную способность преодолевать любые трудности и радоваться каждой минуте.

Фотоателье играли в Бейоглу не менее важную роль, чем питейные заведения и публичные дома. Расцвет фотоискусства на берегах Босфора пришелся на вторую половину XIX века – в 1857 году стамбулец Паскаль Себах открыл первую в городе студию «Foto Sébah». Она располагалась на главной улице Бейоглу – Гран-Рю-де-Пера, в доме № 439. Дело Себаха унаследовал его сын Жан Паскаль, который взял в партнеры художника Поликарпа Жоалье. Фирма «Foto Sébah» (а затем «Sébah & Joaillier») стала культурным брендом поздней Османской империи. У семьи Себах были конкуренты: грек Базиль Каргопуло (студия «B. Kargopoulo», дом № 447), швед Гийом Берггрен (салон «Little Sweden», дом № 414) и армянин Богос Таркулян (ателье «Photographie Phébus», дом № 359). В Бейоглу работали и другие мастера: Николай Андреоменос, братья Гюльмез, братья Абдулла (Абдуллаяны) и первая в Турции женщина-фотограф – Мариам Шагинян. Благодаря их таланту мы знаем, как выглядел старый Стамбул и его жители – от дервишей до падишахов.

Каждый фотограф имел свою специализацию. Каргопуло снимал панорамы Стамбула и Босфора, сцены уличной жизни и интерьер султанских дворцов. Себах-старший фо-

тографировал представителей разных религий и национальностей. Берггрен и Андреоменос работали с памятниками архитектуры. Таркулян прославился как портретист. Братья Гюльмез и братья Абдулла занимались портретной и панорамной фотографией. Шагинян любила эксперименты – в студии «Foto Galatasaray» в Бейоглу она снимала не только счастливых молодоженов, прелестных младенцев и длинноволосых красавиц, но также трансгендеров и членов незаконных организаций.

Районы и кварталы Бейоглу – Таксим, Каракёй, Топхане, Асмалы и др. – заметно отличаются друг от друга. Особенно хорош Джихангир, названный в память об умершем шехзаде (принце) Джихангире – сыне султана Сулеймана I. Это очаровательный семт с европейской архитектурой, тихий и зеленый. На его каменных лестницах, ведущих к Босфору, можно сидеть часами: пить вино, есть мороженое и смотреть, как город дышит и мерцает, словно крупная волшебная рыба; как он зажигает огни в сгущающихся восточных сумерках; как с наступлением ночи над черной водой, не делимой с таким же черным небом, вспыхивают горы щедро разбросанного золота – это стамбульцы включают свет в своих домах.

В Джихангире вырос турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Орхан Памук. Из окон его квартиры было видно Босфор, Девичью башню, берега Ускюдара и Фындыклы. «Все это я мог рисовать, даже не вы-

ходя из дома, – вспоминает Памук. – При этом я ни на минуту не забывал, что рисую не что-нибудь, а знаменитый на весь мир “вид Стамбула”».

Виды Стамбула всегда изумляли европейцев. Французский поэт и прозаик Жерар де Нерваль не стал исключением. В 1843 году, тяжело переживая смерть возлюбленной, Нерваль отправился в путешествие по маршруту Каир – Александрия – Сирия – Кипр – Родос – Измир – Стамбул. Вернувшись в Париж, он написал книгу «Путешествие на Восток» и посвятил целую главу городу на берегах Босфора. Одним из наиболее ярких впечатлений Нерваля стали прогулки по Пере. Он с удовольствием отмечает царящие тут радостное оживление и непреходящее праздничное настроение.

Через 35 лет после Нерваля Стамбул посетил итальянский публицист Эдмондо де Амичис. По итогам поездки он издал работу «Константинополь», где назвал Перу центром франтовства и удовольствий. Читая «Путешествие на Восток» и «Константинополь», можно понять, что с XIX века в Пере изменилось лишь название самого ильче и некоторых улиц – так, Гран-Рю-де-Пера после провозглашения республики переименовали в Истикляль (улицу Независимости). Все остальное – «блестящие магазины бижутерии, белья, кондитерские, французские и английские отели, читальные залы» Нерваля и «изящные кафе, театры, консульства, клубы, посольские дворцы» Амичиса – по-прежнему на своих местах.

Пера всегда представляла собой чуть ли не отдельную республику. Турецкий историк Мурат Гюль подробно описывает вестернизацию Галаты, достигшую расцвета в XIX веке, и называет ее шестым округом – согласно нумерации, принятой в османской столице.

Вестернизация османской Галаты имела глубокие исторические корни, идущие еще из византийской эпохи. Официально в Константинополе не существовало органов местного самоуправления. Все дела столицы находились в ведении эпарха (мэра), который подчинялся лично василевсу (византийскому императору) и назначался из числа его приближенных. Сохранившийся свод правил («Книга эпарха») свидетельствует о жесткой регламентации всех сфер общественной жизни Константинополя – начиная с торговли шелком и заканчивая организацией и проведением торжественных процессий.

Суровые правила, установленные эпархом, не распространялись только на иностранцев, которые имели особый статус. Представители купеческих корпораций Западной Европы (в первую очередь – венецианцы) не соблюдали византийские законы, не подвергались общепринятым санкциям и держали представителей при дворе василевса. Рядовые же константинопольцы не могли даже прислать к василевсу народных трибунов, как в Древнем Риме, – но данный пробел компенсировался наличием у них права на восстание. Это право не было зафиксировано письменно, однако горожане

активно им пользовались. Они устраивали погромы, добивались увольнения ненавистных чиновников и свергали императоров.

Самоуправление османской Галаты было беспрецедентным для Высокой Порты. Власть делили между собой мюдюр (глава муниципалитета) и меджлис (муниципальный совет). Первым мюдюром стал начальник протокола министерства иностранных дел, кавалер ордена Почетного легиона Камиль Бей. Он посетил множество европейских городов и руководил организацией Османского павильона на Всемирной выставке в Париже (1856). Чиновник славился колоссальным трудолюбием и богатым административным опытом. Эти качества делали Камилля Бея идеальным кандидатом на должность главы муниципалитета шестого округа, а затем позволили ему стать настоящей легендой старого Стамбула.

Меджлис состоял из 7 человек: 2 греков, 1 армянина и 2 мусульман. Члены меджлиса избирались населением Перы из числа лиц, владеющих здесь недвижимостью и живущих в Стамбуле не менее 10 лет. В разные годы в муниципальный совет шестого округа входили известный орнитолог Амеде Аллеон, крупный коммерсант и филантроп Теодор Наум (в 1840-х годах он подарил городу оперный театр), а также знаменитый банкир и меценат по прозвищу «Ротшильд Востока» – Абрахам Камондо.

В 1860 году Камондо построил в Бейоглу мраморную

лестницу гексагональной (шестиугольной) формы, с которой нельзя скатиться в случае падения. Лестница соединяла улицу Войвода с улицей Банкалар. На первой находилась элитная школа, где учились дети и внуки финансиста. На второй – банк, где работали старшие члены семейства Камондо. Европейцы узнали о необычной лестнице только в 1960-х годах – ее обессмертил в своих работах выдающийся французский фотограф Анри Картье-Брессон.⁸

Мюдюрю и меджлису помогали 4 иностранных консультанта. Их кандидатуры выдвигались муниципальными властями и утверждались Диваном – кабинетом министров Османской империи. Муниципальные власти шестого округа обладали обширной компетенцией, включая строительство и ремонт зданий, управление рынками и организацию вооруженных отрядов, призванных обеспечивать правопорядок. У Перы имелось все необходимое для автономного существования – в том числе собственный бюджет, почта, суд и тюрьма.

Благодаря привилегированному статусу к 1868 году Пера представляла собой город-государство в самом сердце

⁸ Жители холмистого Бейоглу трепетно относятся к уличным лестницам. Во второй половине XX века пенсионер Хюэйин Сетинель раскрасил в 7 цветов радуги одну из самых длинных лестниц района (она ведет с улицы Джихангир Йокушу к улице Меджлис-и Мебусан). Муниципалитет решил вернуть лестнице первоначальный серый цвет, но горожане возмутились и принялись раскрашивать лестницы по всему Стамбулу. Так у города появился еще один символ – радужные лестницы.

османской столицы. Западные путешественники сравнивали шестой округ с купеческими республиками Европы. Подобно их свободолюбивым гражданам, обитатели Галаты регулярно выражали султану свое недовольство. Гюль приводит интересный факт: в Пере размер взимаемых государством налогов был гораздо ниже, чем в других районах Стамбула. Некоторые сборы и вовсе отсутствовали – немусульмане, находившиеся под защитой европейских посольств, просто отказались их платить.

Несмотря на западное влияние, камни Галаты дышат османской историей. Так, название одного из первых районов Бейоглу – Чукурджума – напоминает, что в XV веке тут совершил пятничный намаз⁹ грозный завоеватель Константинополя, султан Мехмед II.¹⁰ В течение сотен лет на узких, мощенных брусчаткой улочках Чукурджумы идет торговля. Постепенно бывший квартал старьевщиков превратился в крупнейший блошинный рынок Стамбула, где продается все – от грошовых вещей до антиквариата. По лавкам Чукурджумы нетерпеливо рыскал Кемаль, герой «Музея невинности» – еще одного романа Памука; здесь он воровал безделушки для своей возлюбленной.

История Бейоглу, как и история Стамбула в целом, пропитана насилием. Подтверждением тому – квартал Тарла-

⁹ Намаз – мусульманская молитва.

¹⁰ Топоним «Чукурджума» (*тур.* Çukurcuma) образован от турецких слов «çukur» (низина) и «сума» (пятница).

баши. Населенный изначально рабочими и старьевщиками, Тарлабаши разросся и стал частью Бейоглу. Но цены на жилье поднялись, бедняки уехали – и район облюбовали богатые евреи, ассирийцы, греки и армяне. Они открывали клубы, рестораны, ювелирные салоны – и быстро меняли облик старых исламских улиц. Герой романа Памука «Джевдет-бей и сыновья», хозяин скобяной лавки, неспроста жаловался, что в условиях подобной конкуренции мусульманам трудно заниматься торговлей.

Так продолжалось до 1942 года, пока турецкое правительство не обложило иудеев и христиан Бейоглу огромным налогом, который не могли заплатить даже преуспевающие коммерсанты. За неуплату налога немусульман отправили в трудовые лагеря Ашкале – за 1200 км от Стамбула. Потеряв своих веселых и деловых людей, процветающий Тарлабаши увял, как роза без воды. Квартал превратился в трущобы, заваленные мусором и населенные курдами, цыганами и выходцами из беднейших арабских стран. Они живут в полуразрушенных домах османского периода, торгуют наркотиками и промышляют кражами. Тарлабаши собираются сносить, но пока известный криминальный район в центре Стамбула – в нескольких минутах ходьбы от площади Таксим – продолжает существовать.

Однако вернемся к главному зданию Бейоглу – Галатской башне. После падения Константинополя в 1453 году она служила маяком, пожарной каланчой, обсерваторией и тюрь-

мой, но преимущественно была просто символом города. В 1638 году инженер-изобретатель Хезарфен Ахмед Челеби перелетел с крыши башни на азиатский берег Босфора на самодельных крыльях – за что получил прозвище «турецкий Икар» и вошел в историю как один из пионеров авиации.

Османский путешественник XVII века Эвлия Челеби повествует об этом выдающемся событии в «Книге путешествия». Сначала Хезарфен Ахмед тренировался в районе Окмейданы. Потом, когда султан Мурад IV смотрел из дворцового окна на Сарайбурну¹¹, инженер слетел с верхушки Галатской башни и приземлился на площади Доганджилар в Ускюдаре. Потрясенный султан подарил Хезарфену Ахмеду мешок золотых монет, но позже счел его крайне опасным человеком, способным на что угодно, – и сослал в Алжир. Башня долгое время использовалась в качестве портового склада.

В 1960-х годах Галатскую башню оборудовали для туристов. Как и 700 лет назад она, будто гигантский карандаш, возвышается над спичечными коробками старых домиков Бейоглу. Сегодня на первом этаже башни продают сувениры, а на верхних этажах находятся ресторан и смотровая площадка, откуда открывается вид на Стамбул с высоты птичьего полета.

¹¹ Сарайбурну – мыс в Стамбуле, разделяющий Золотой Рог и Мраморное море.

Глава 2

В небесах и под землей

*Вчера я смотрел на тебя с холма, мой дорогой
Стамбул.
Яхья Кемаль*

Подобно любой уважающей себя столице, Стамбул лежит на семи холмах. Эти холмы есть на историческом полуострове – Суричи¹²; на вершине одного из них был основан античный Византий. В византийскую и османскую эпохи на каждом холме находился грандиозный храм или монументальная мечеть. На первом холме возвышается мечеть Султанахмет, на его склонах расположились Айя-София и дворец Топкапы. Второй холм венчает мечеть Нуруосмание, за ней раскинулся Гранд-базар. На юге третьего холма стоит мечеть Баязид, на севере – Сулеймание. Четвертый холм украшает мечеть Фатих. Пятый – мечеть Селима I. Шестой – мечеть Михримак Султан, у подножия которой простираются районы Эдирнекапы и Айвансарай. Они настолько разрослись, что выходят за пределы старых крепостных стен Константинополя. Седьмой холм расположен между Аксараям и Мра-

¹² Фактически Суричи – это так называемый «старый город», находившийся внутри крепостных стен Константинополя на мысе Сарайбурну; соответствует ильче Фатих.

морным морем – на нем стоят мечети Коджа Мустафа-паши и Джеррах-паши.

В Стамбуле много возвышенностей. Например, роща Михрабат на холме Канлыджа была излюбленным местом отдыха поэта Яхьи Кемаля. Холм Айдос высотой 537 м в районе Султанбейли называют «крышей Стамбула» – это самая высокая точка города. Холм Бюйюк Чамлыджа в Ускюдаре представляет собой самую высокую точку азиатской части мегаполиса; в османскую эпоху там зажигали сигнальные огни, предупреждая столицу о надвигающейся опасности. Недалеко от Бюйюк Чамлыджи находится холм Кючюк Чамлыджа, где завершается строительство телебашни – также с обзорной площадкой для любования Босфором и Золотым Рогом. По легенде, однажды византийцы наполнили Халич драгоценностями, и вода в нем стала золотой. Сами стамбульцы утверждают, что залив обязан своим названием золотому оттенку на водной глади, когда заходит солнце.

Лучший вид на Халич открывается с холма Пьер Лоти в Эйюпе – самом религиозном районе Стамбула. Памук называет этот тихий семт в конце Золотого Рога воплощением образа замкнутого, живописного и мистического Востока. Пьер Лоти – литературный псевдоним французского морского офицера Жюльена Вио (1850–1923). Популярность ему принес роман «Азиаде» – о любви француза и турчанки. Другое произведение, «Госпожа Хризантема», легло в основу знаменитой оперы «Мадам Баттерфляй». Поселив-

шись в Стамбуле, Вио стал носить феску и курить трубку, набитую смесью табака, опиума и толченого жемчуга. Летними вечерами он любил сидеть в кафе на вершине холма и смотреть, как между небом и водами Золотого Рога медленно догорает закат. Позже этот холм был назван в его честь.

На Пьер Лоти можно подняться по канатной дороге или пешком – маршрут идет через османское кладбище, среди кипарисов и мраморных надгробий XVIII–XIX веков. Французский поэт и прозаик Теофиль Готье (1811–1872) говорил, что на стамбульских кладбищах, в отличие от европейских, «смерть соседствует с жизнью так непринужденно, что ее перестаешь страшиться». По наблюдениям британской путешественницы XIX века Джулии Пардо, горожане не связывали смерть с мраком и ужасом. Впрочем, отдых возле некрополей традиционен для Востока – каирцы, например, любят посещать парк Аль-Азхар с видом на знаменитый «город мертвых».

Каждое надгробие в Эйюпе несет важную информацию об усопшем. Верхняя часть стел над мужскими могилами имеет форму головного убора. Тюрбан свидетельствует о знатности и богатстве покойного. Феска – о его принадлежности к государственной службе. Кулох (конусообразная шапка) – о том, что в могиле лежит суфий. Кече (шапка со свисающим сзади куском ткани) обозначает место упокоения янычара. Женские надгробия украшены резными цветками – по числу детей усопшей. На обелисках незамужних девушек изоб-

ражен барельеф в виде сломанной розы. Среди бескрайнего моря памятников зеленеют кипарисы, символизирующие бессмертие.

Таков не только некрополь в Эйюпе, но и прочие кладбища Стамбула. Крупнейшее из когда-либо существовавших на берегах Босфора – Великое царство мертвых в Пере, один из самых грандиозных некрополей мира. Он занимал более 40 га – это ориентировочно равно площади парижского Пер-Лашез.

Будучи интернациональным, Великое царство мертвых делилось на мусульманскую, еврейскую и христианскую части. Первые захоронения появились в 1560 году, когда в Стамбуле бушевала чума. Европейцы восторженно отзывались об этом величественном некрополе. По воспоминаниям Пардо, надгробия франков гравировали розами и маргаритками. Английские памятники содержали перечисления болезней, итальянские – надписи, выражавшие сожаление и отчаяние. На армянских надгробиях была высечена эмблема, обозначающая профессию усопшего. «Банкир представлен парой счетов, священник – митрой, цирюльник – тазиком, хирург – ланцетом», – уточняет Амичис.

Великое царство мертвых в Пере олицетворяло османский мир – огромный и густо населенный разными людьми. Однако к середине XX века – в связи с необходимостью городской застройки – некрополь прекратил свое существование. На его территории разбивались скверы, прокладывава-

лись дороги и возводились дома. Немалая часть богемного Бейоглу – от района Тарабья до площади Таксим и затем вниз по Гюмюшсую и Фындыклы до дворца Долмабахче – буквально стоит на костях. Могилы раскопали, останки выбросили, мраморные надгробия использовали для строительства площади Эминёню.

Некоторые памятники Великого царства мертвых не были уничтожены – их перенесли на католическое кладбище возле станции метро «Османбей». Его стилистика исключительно европейская и христианская. На старинных надгробиях выгравированы сентиментальные латинские надписи, призывающие молиться за души усопших. В роскошных фамильных мавзолеях покоятся члены богатейших левантийских семей Стамбула – Корпи, Главани, Тубини и др.

Католическое кладбище соседствует с протестантским – оно раскинулось к западу от захоронений левантинцев и начинается за улицей Абиде Хюрриет. Протестантский некрополь делится на две половины: османскую и иностранную. Иностранная половина, в свою очередь, состоит из участков, предназначенных для англичан, американцев, французов, швейцарцев, голландцев, венгров, норвежцев и шведов. К османской части примыкает армянское кладбище, где также есть могилы греков, ассирийцев, арабов и турок, исповедовавших протестантизм.

Нельзя забывать и об исламских некрополях Стамбула. В число последних входит крупнейшее из нынешних город-

ских кладбищ – Караджа Ахмед в Ускюдаре, названное в честь погребенного тут суфийского праведника. Старейшее уцелевшее захоронение датируется 1521 годом. По традиции, на Караджа Ахмед предавали земле мусульманских каллиграфов. Всего здесь обрели покой более миллиона человек, а также любимый конь султана Мурада I – внука легендарного Османа Гази, родоначальника Османской династии. На могилу коня до сих пор сыпят просо, которым его кормили при жизни.

История Стамбула насчитывает минимум 2700 лет¹³ – и под землей лежит гораздо больше людей, чем ходит по ней. Еще в 1717 году леди Монтегю заметила, что площадь кладбищ намного превышает площадь самого города.

Бесконечные войны Османской империи вкупе с эпидемиями, пожарами и постулатами ислама способствовали тому, что стамбульцы воспринимали смерть как неизбежность. Пока человек умирал, близкие читали ему Коран и окуривали комнату благовониями. Плакать и причитать считалось неприличным. Затем усопшего раздевали и омывали водой. После омовения имам сыпал камфарой те части тела, которые соприкасались с землей во время намаза: колени, ладони, пятки, нос и лоб. Покойному подстригали волосы и ногти и заворачивали в белую бесшовную простыню – ка-

¹³ Датой основания Стамбула является 667 год до н. э., когда полулегендарный грек Визант заложил на берегах Босфора город Византий. Турецкие историки утверждают, что Стамбулу около 8500 лет, ибо первые поселения появились здесь еще в эпоху неолита.

фан. Шариат запрещал предавать земле одетых мертвецов, за исключением шехидов (шахидов) – мучеников, погибших за ислам. Их надлежало хоронить в облачении, в котором они приняли смерть. Порванная и окровавленная одежда должна была стать для Аллаха доказательством героической кончины.

Погребальная культура османов оставалась неизменной на протяжении столетий. Ее незыблемые правила не подвергались критике. В 1877 году в Стамбуле разразился скандал – в порт прибыло судно с грузом человеческих костей. Расследование выявило, что останки собраны под болгарским городом Плевной, чья осада стала одним из самых драматичных эпизодов Русско-турецкой войны (1877–1878). Оказалось, местные жители закапывали тела убитых солдат на глубине не более полуметра; такие могилы смывались дождями и разрывались животными. Болгары собирали кости и продавали их в Стамбул – французским и немецким фирмам по производству удобрений.

Эта новость вызвала у стамбульцев ужас и негодование – ведь они верили, что до похорон умерший не может уйти на тот свет и испытывает страшные муки; поэтому тело хоронили как можно скорее. Впрочем, на султанов данный обычай не распространялся. Нередко требовалось сохранить гибель правителя в тайне, чтобы избежать янычарского бунта или династических распрей. Труп в лучшем случае балъзамировали либо обкладывали льдом, в худшем – использо-

вали как марионетку, дабы убедить подданных, что повелитель жив. Подобных ужасных примеров в истории Блистательной Порты немало. Так, в 1603 году после смерти Мехмеда III великий визирь Йемишчи Хасан-паша небезосновательно опасался очередного восстания сипахов¹⁴ – поэтому мертвый султан с помощью сложной системы рычагов, веревок и подпорок стоял у окна дворца Топкапы и махал рукой проходящим мимо него войскам.

В конце концов покойного – будь то султан или простолюдин – предавали земле. Имам читал над усопшим погребальную молитву – джаназа-намаз. Шариат запрещает использовать гробы, и тело клали на тобут (похоронные носилки). По легенде, Сулейман I Великолепный перед смертью велел, чтобы его тобут несли лучшие лекари Османской империи, чтобы по пути следования траурной процессии разбрасывали золотые монеты и чтобы его руки были видны из тобута. Свои желания Сулейман объяснил следующим образом: лучшие лекари должны нести тобут, дабы все знали, что перед лицом болезни султана они оказались бессильны. Разбрасывать золотые монеты нужно, дабы показать, что богатство нельзя забрать с собой в могилу. Руки султана должны быть видны из тобута, дабы все запомнили, что Сулейман Великолепный, властелин могущественной Османской империи, ушел из жизни с пустыми руками.

Тобут опускали в могилу и засыпали землей. Высота хол-

¹⁴ Сипахи – тяжелая кавалерия в Османской империи.

ма зависела от рельефа местности. В Стамбуле она обычно равнялась четырем пальцам. Все могилы и надгробия мусульман обращены на юго-запад — в сторону священного исламского города Мекка. На памятниках высечена краткая информация о покойных, многие османские надгробия содержат легкомысленные стихи и забавные эпитафии. Английский драматург Аарон Хилл приводит одну из них в «Рассказе о смерти продавца апельсинов в его брачную ночь»:

Увы, увы! Тут, свободный от
раздоров и забот,
Лежит тот, кто был
зацелован до смерти его
первой женой.
Был бы ты кислым, как
персидский лимон,
Тебя не постигла бы такая
жестокая судьба.
Но ты был сладким, как
апельсин, и вот ты мертв.
Ибо женщины любят
сладость, даже в постели.
И та, что той ночью
оказалась рядом с тобой,
Пригубила тебя, ощутила
сладость и тут же выпила тебя до дна.

Шариат не одобряет надмогильные постройки, но в Порте – и в первую очередь в Стамбуле – более 600 лет возводились прекрасные мраморные тюрбе (усыпальницы) султанов, высокопоставленных чиновников, военачальников и городских святых.

Одна из самых красивых гробниц – тюрбе Махмуда-паши – находится в Эминёню. В ней покоится великий визирь Мехмеда II. Махмуд-паша был знатным византийцем, но принял ислам и прослужил османскому султану 20 лет. Он проявил себя талантливым государственным деятелем, однако не нравился Мустафе – любимому сыну и наследнику повелителя. По этой причине осенью 1473 года Мехмед II внезапно освободил Махмуда-пашу от должности. Имущество опального вельможи конфисковали, а его самого арестовали и заточили в легендарную стамбульскую тюрьму – замок Едикуле.

Вскоре после этих событий Мустафа тяжело заболел, а летом 1474 года умер. Безутешный Мехмед II похоронил сына и приказал казнить Махмуда-пашу, заявив: «Невозможно, чтобы враг Мустафы оставался в живых». Палачи задушили бывшего визиря шелковым шнурком. В день его похорон султан объявил траур и приказал возвести верному слуге роскошную усыпальницу.

Со многими стамбульскими тюрбе связаны различные поверья и ритуалы. Например, на гробнице шехзаде Мехмеда – сына Сулеймана Великолепного – стоял макет османского

трона: принц, умерший от оспы, так и не успел на него взойти. К мавзолею дервиша Телли-бабы приезжают те, кто хочет обрести счастье в семейной жизни. Гигантская 17-метровая могила загадочного Юши ибн Нуна на холме Юша Тепеси считается местом упокоения Иисуса Навина, приказавшего евреям вострубить в трубы, дабы рухнули стены Иерихона.

В Стамбуле (да и вообще на Востоке) усопшие играют важную роль в жизни своих потомков. Герой романа Памука «Меня зовут Красный» возмущается: «Мусульмане ходят на кладбища молиться мертвым, ждут от них помощи, припадают к камням гробниц, словно идолопоклонники, загадывают желания и привязывают ленточки, дают обеты!» Прося что-то у покойных, стамбульцы приносят им свечи, благовоения, сладости и фрукты. Самый распространенный в Стамбуле сорт слив называется тюрге, потому что растет на кладбищах.

По описанному выше обряду хоронили лучших людей Османской империи. Политики, полководцы, писатели и ученые, принесшие славу Блистательной Порте, лежат на обоих берегах Босфора – в Европе и в Азии, в тюрге и на кладбищах Эдирнекапы и Ашиян. Последнее величественно раскинулось на холмах между крепостью Румелихисари и респектабельным семтом Бебек. Он назван в память о Мустафе Челеби – юном фаворите и, предположительно, любовнике Мехмеда II по прозвищу Бебек («Малыш»), которому султан подарил эти земли. По другой версии, Муста-

фа Челеби был огромным человеком, обладавшим недюжинной физической силой, и его прозвище носило шутливый характер. Мехмед II поручил Малышу руководить постройкой Румелихисари и обеспечивать безопасность прилегающих к ней территорий.

Стамбульцы приходят на кладбище Ашиян летними вечерами, любят фейерверки над Босфором и оставляют записки с желаниями на могиле турецкого поэта Орхана Вели. Кроме него, в глинистой земле Ашиян под сенью кипарисов спят вечным сном дипломат Ахмед Вефик-паша и военачальник Факхри-паша, литератор Тефвик Викет и Рукье Сабиха Османоглу – дочь султана Мехмеда VI, чье бесславное правление завершило 600-летнюю историю великой империи.

Но главным священным некрополем Стамбула считается Эйюп. Быть погребенным в Эйюпе – большая честь для мусульманина: кладбище разрослось вокруг мечети, которая стоит на месте захоронения погибшего при осаде Константинополя знаменосца пророка Мухаммеда – Абу Эйюпа аль-Ансари.

Британский историк Эдвард Гиббон в труде «История упадка и разрушения Великой Римской империи» рассказывает, что первая осада византийской столицы (674–678) оказалась очень тяжелой для Омейядского халифата. Константинополь представлялся неприступным, Византия впервые применила «греческий огонь». Арабы оплакивали ги-

бель 30 тыс. своих воинов, в том числе Эйюпа. Место его погребения было неизвестно в течение 780 лет – вплоть до взятия Константинополя султаном Мехмедом II. В 1453 году видение известило мусульман, что Эйюп похоронен недалеко от городской стены. Воздвигнутая там мечеть была назначена местом коронации османских правителей.

Обнаружение могилы исламского праведника имело важное политическое значение для Порты. Мечеть Эйюпа не случайно стала первой, возведенной османами после падения Константинополя. Ее строительство было завершено в 1458 году при Мехмеде II, который, по легенде, и обнаружил могилу соратника пророка. Сейчас мечеть Эйюп Султан является самой важной мусульманской святыней Турции и четвертой по значимости святыней ислама – после мечетей Аль-Харам в Мекке, Ан-Набави в Медине и Аль-Акса в Иерусалиме. По слухам, произнесенные здесь молитвы сбываются.

Мечеть Эйюп Султан – одно из многочисленных исторических мест на Ближнем Востоке, где время будто остановилось. На протяжении 600 с лишним лет паломники отдыхают в тени старых платанов, гуляют среди кладбищенских кипарисов, слушают воркование голубей и гомон торговцев, продающих прохладительные напитки. Здесь ощущается подлинный дух мусульманской мистики, присущий старому Востоку и неподвластный времени.

По традиции, восходя на престол, султан отправлялся в

мечеть Эйюп Султан, где шейх-уль-ислам¹⁵ торжественно опоясывал его клинком основателя династии Османа Гази. Если во время церемонии возникали проблемы (например, падал меч или плохо застегивалась пряжка), то стамбульцы считали, что правление новоиспеченного султана будет несчастливым. Подобный инцидент случился с Мехмедом V – 65-летний шехзаде был весьма тучного телосложения. Шейх-уль-ислам с трудом опоясал его мечом и, не дожидаясь катастрофы, подал в отставку сразу после церемонии.

Впрочем, большинство церемоний в Эйюп Султан проходило легко. Теплым сентябрьским утром 1520 года шейх-уль-ислам Зенбилли Али-эфенди надел легендарный клинок на пояс Сулеймана I.

Начался Золотой век Османской Порты.

¹⁵ Шейх-уль-ислам – высшее должностное лицо по вопросам ислама.

Глава 3

Величие османов

Я совершенно ошеломлен, и есть отчего: передо мной открывается Восток, подлинный Восток, какого я, к сожалению, никогда не видел, но о котором я грезил.
Александр Дюма

Югласно восточной традиции, в начале каждого столетия рождается великий человек, призванный изменить ход истории. Сулейман I Великолепный – 10-й султан Османской империи, сын Селима I Грозного и правнук Мехмеда II Завоевателя – стал именно таким человеком. Европейская цивилизация переживала Позднее Средневековье, сопровождавшееся болезненной ломкой и отмиранием феодальных институтов и отношений, – в то время как Блистательная Порта достигла апогея могущества.

Французский историк Марсель Клерже отмечает высокий культурный уровень Османской империи в эпоху Сулеймана I. Он выражался в развитии науки и законодательства, в расцвете литературы на арабском и персидском языках, в роскоши сановников. Правление Сулеймана считается самой блестящей османской эпохой. Британский историк Джейсон Гудвин утверждает, что ни при каком другом султанах Порта не

вызывала в мире такого страха. Пираты Сулеймана грабили порты Испании. Король Франции отправлял султану тайные письма, спрятанные в туфлях его посланника. Сулейман одним сражением лишил Венгрию всей ее знати. Сами Габсбурги платили ему дань.

Австрия и Россия, ставшие в итоге опасными соперниками Османской империи, еще не представляли для Порты никакой угрозы. Иван IV Грозный восхищался прадедом Сулеймана I – Мехмедом II. Известно, как Сулейман начинал письма, адресованные Франциску I Валуа: «Я, султан султанов, владыка владык, управляющий коронами на лице земли, обращаюсь к тебе, король Франции». В 2011 году – в ответ на предложение французского президента Николя Саркози признать геноцид армян – премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган публично зачитал письмо Сулеймана Франциску. В нем Сулейман именовал себя хаканом¹⁶ всех хаканов и тенью Аллаха на земле, а Стамбул – приютом королей, молящих о помощи.

Письмо датируется 1526 годом. На момент его получения Франциск I переживал не лучшие времена. В 1494–1559 годах Европу потрясла серия Итальянских войн. Франция, Испания и Священная Римская империя¹⁷ сражались за обладание Апеннинским полуостровом. Итальянские войны на-

¹⁶ Хакан – царский титул у тюркских племен.

¹⁷ Священная Римская империя – союз ряда европейских государств с центром в Германии, существовавший в 962–1806 годах.

чались с династического спора за престол Неаполитанского королевства и переросли в затяжной общеевропейский конфликт, который свелся к противостоянию Валуа и Габсбургов. 24 февраля 1525 года их армии сошлись на севере Италии, под городом Павия. Битва при Павии стала последним сражением Средних веков и первым сражением Нового времени. Франциск I Валуа потерпел сокрушительное поражение от правителя Священной Римской империи Карла V Габсбурга.

Остатки разбитой французской армии покинули Апеннинский полуостров. Франциск I был пленен и переправлен в Мадрид (Карл V также носил титул короля Испании). Письмо Франциска своей матери, Луизе Савойской, в котором он поведал о случившемся, начиналось со знаменитой фразы «Потеряно все, кроме чести и жизни». Именно тогда монарх и обратился за помощью к могущественному Сулейману I.

За Франциска хлопотала его сестра Маргарита Наваррская. Речь идет не о той Маргарите Наваррской, которая была дочерью Екатерины Медичи и фигурирует в романе Александра Дюма «Королева Марго», – но о другой Маргарите Наваррской, бабке Генриха Наваррского. В 1526 году она помчалась в Мадрид, чтобы освободить брата. Во многом благодаря ее стараниям Франциск вернулся в Париж. Переговоры о выкупе короля легли в основу пьесы французских драматургов Эжена Скриба и Эрнеста Легуве «Сказки королевы Наваррской» (1850). В России она известна под названием

«Тайны мадридского двора» – так и появился популярный фразеологизм.

Наблюдая за перипетиями западной политики, Сулейман – властелин половины мира – испытывал чувство брезгливости. Он мог пренебрежительно относиться к европейским монархам – в XVI веке бюджет одной османской провинции Сивас составлял 20 млн султани¹⁸, в то время как бюджет Франции в перерасчете на валюту Порты равнялся 4 млн султани.

Сулейман I правил 46 лет (1520–1566) – подобно всем монархам, долго находившимся у власти, он стал символом государства. В ту эпоху, по словам английского историка Нормана Стоуна, у турок имелась лучшая в Европе артиллерия и самая храбрая пехота. Посол Священной Римской империи Ожье Гислен де Бусбек, служивший в Стамбуле при Сулеймане I, в «Турецких письмах» предупреждал европейцев: «Когда турки наладят отношения с Персией, они возьмут нас за горло, опираясь на мощь всего Востока».

За всю жизнь Сулейман участвовал в 13 военных походах и бесчисленном количестве мелких конфликтов. Только в Европе он захватил 362 крепости. Над главным порталом мечети Сулеймание сохранились витиеватые восхваления монарха, высеченные в XVI веке – в них Сулейман именуется «халифом, блистающим Божественной Славой», «владельцем царств земных», «султаном над султанами ара-

¹⁸ Султани – золотая османская монета в 1454–1520 годах.

бов и персов» и т. д.

Сулейман продолжал традицию своих воинственных предков. Султаны всегда были высокого мнения о себе, и список их громогласных титулов это отражает. Осман, основатель династии, звался просто Гази – так нарекали мусульман, сражавшихся с кафирами¹⁹. В глазах соплеменников он был великим человеком. В 1337 году Орхан, сын Османа, оставил надпись в Бурсе, где именовал себя «султан, сын султана, повелитель гази; Гази, сын Гази, повелитель горизонтов, герой всего мира».

Впрочем, Осман I Гази и Орхан I были не султанами, но удж-беями – правителями бейлика (феодалного владения в Анатолии). Сын Орхана, Мурад I, принял титул султана в 1360-х годах, когда византийский император Иоанн V Палеолог сделался его вассалом, и бейлик превратился в султанат. Падишахами османские султаны являлись с 1453 года, когда Мехмед II взял Константинополь, – с этого момента османское государство стало именоваться империей.

Титул падишаха, или царя царей, был у султанов любимым. Европейцы переводили его как «Великий Турок». Также к султану и членам его семьи обращались «хан²⁰ хазретлери». Турецкое слово «hazretleri» происходит от арабского «hadrah» (حضرَات) – присутствие). Этот араб-

¹⁹ Кафир – «неверный», немусульманин.

²⁰ Хан – тюрко-монгольский титул; в Османской империи – титул султана.

ский эпитет употребляется в Коране с именами пророков – Ибрахима (Авраама), Исы (Иисуса) и других – в значении «высокочитимый», «почтеннейший». Соответственно, османская фраза «han hazretleri» означает «Ваше Величество». Полностью обращение звучало, например, следующим образом: «Султан Сулейман хан хазретлери».

С момента завоевания Египта Селимом I в 1517 году султаны стали называть себя еще и халифами – повелителями всех мусульман. Среди прочих титулов султана: Наследник Пророка; Правитель Вселенной; Властелин Белого, Черного и Красного морей и др. Но самый впечатляющий – Тень Аллаха на Земле. Мехмед II претендовал на роль императора Священной Римской империи. Захватив Константинополь, он получил прозвище «Фатих» («Завоеватель») и взял титул василевсов – цезарь Рума²¹ (Kayser-i Rum).

Французский философ XVI века Жан Боден считал амбиции Мехмеда II обоснованными. Он утверждал, что предъявлять права на титул преемника римского императора может лишь османский султан. Мехмед II действительно являлся потомком Комнинов (одной из императорских династий Византии). В результате череды династических браков, заключенных в XII веке, переплелись ветви трех правящих родов Средневековья – галицких Рюриковичей, Комнинов и Сельджукидов. В 1178 году на одной из этих ветвей созрел «плод» – Сулейман Шах, родоначальник беев (вождей)

²¹ Рум – арабское название Римской империи.

туркского племени кайи. Сын Сулейман Шаха, Эртогрул, унаследовал от отца титул бея кайи. В 1231 году он захватил никейское поселение Февасион и переименовал его в Сегют. В 1240 году Эртогрул сформировал Османский бейлик – собственное феодальное владение. Именно в Сегюте у него родился сын Осман – будущий основатель Османской династии.

Осман I Гази также был правнуком Иоанна Комнина. Мехмед II, завоеватель Константинополя, являлся прямым потомком Османа и одновременно – потомком византийской династии Комнинов. Фатих использовал этот факт для подкрепления своих прав на престол в Константинополе. Отсюда и взятый им титул василевсов «Kayser-i Rum». Вряд ли султан знал о своем родстве еще и с галицкими Рюриковичами – но на земли Галичины он и не претендовал. Воевать в тех местах стали уже потомки Мехмеда.

Итак, Фатих имел все основания провозгласить себя цезарем Рума. Помимо того, султана Блистательной Порты называли Владыкой горизонта и Опорой, которая соединяет континенты. Титул Сулеймана звучал следующим образом: Правитель 37 королевств, повелитель государств римлян, персов и арабов, владыка моря Средиземного и моря Черного, достославной Каабы и пресветлой Медины, великого Иерусалима и трона Египетского, Йемена, Адена и Саны, Багдада, обители праведных, Басры, Аль-Аксы и городов Нуширивана; Алжира и Азербайджана, кыпчакских степей и земель та-

тарских; Курдистана и Луристана, Румелии и Анатолии, Карамана, Валахии, Молдавии и Венгрии и многих других земель и царств; султан и падишах.

Это значит, что в эпоху Сулеймана I под османским господством находилась большая часть Юго-Восточной Европы, Западная Азия и Северная Африка. Держава оттоманов простиралась от южных границ Священной Римской империи до Йемена и Эритреи на юге, от Алжира на западе до Каспийского моря на востоке. При Сулеймане I полумесяц на флаге Порты приобрел новое значение: один его рог протянулся от Будапешта до Персидского залива, другой – от Магриба до Аравии. Черное море называли «османским озером».

Гигантская империя наложила неизгладимый отпечаток на историю Ближнего Востока. Сулейман понимал, что для управления столь огромной территорией надо обеспечить беспрекословное подчинение подданных. При нем был разработан сложный дворцовый церемониал, во многом заимствованный у Византии и призванный отделить султана от простых смертных. Еще Мехмед II изучал византийский трактат «О церемониях», составленный в X веке для василевса Константина VII Багрянородного. Эта книга содержала подробнейшие (с точностью до минуты) описания церемоний и освещала другие вопросы, имеющие отношение к текущим делам императорского дворца.

Трактат представлял собой учебник для высших визан-

тийских сановников. Правители Порты, желавшие поразить весь мир своим блеском и могуществом, почерпнули в нем много полезного. По словам английского историка Джона Фрили, при Мехмеде II османский двор отличался простотой обычаев, и Фатих часто выходил на улицы Стамбула.

При правнуке Мехмеда все изменилось. Шотландский востоковед лорд Кинросс описывает повседневную жизнь Сулеймана, которая всецело подчинялась детализированному ритуалу, сравнимому с ритуалом французских королей в Версале. Когда султан просыпался, его одевали высокопоставленные вельможи. Каждый кафтан надевался только 1 раз, в карманы клали 20 золотых и 1 тыс. серебряных монет, которыми правитель в течение дня одаривал слуг. Оставшиеся деньги и сам кафтан вечером доставались постельничему.

Падишах ел 3 раза в день в одиночестве – эта традиция установилась при Сулеймане после казни великого визиря Ибрагима-паши (1536). Предки Сулеймана принимали пищу в окружении сановников. Мехмеду II и в голову не приходило не допустить в трапезную пашей, с которыми он брал Константинополь, – но уже в эпоху Сулеймана совместные завтраки, обеды и ужины монарха и Ибрагима-паши свидетельствовали о его необычайном расположении к визирю. Единственным человеком, чье присутствие на султанской трапезе считалось необходимым, был врач, проверявший блюда на предмет отравы.

Сон падишаха также регламентировался. Сулейман спал на двух бархатных матрацах – пуховом и хлопковом. Зимой он укрывался мехом соболя или черной лисицы. Над кушеткой возвышался золоченый балдахин, а вокруг – четыре восковые свечи в серебряных подсвечниках, при которых дежурили четыре стражника. Они гасили свечи с той стороны, куда поворачивался султан, и охраняли его до пробуждения. Каждую ночь в целях безопасности правитель выбирал новую комнату, и постельничие готовили ее для сна.

Со временем многочисленные ритуалы не исчезали и не отменялись. В путевых заметках испанского купца Доминго Бадии-и-Леблиха падишах уподобляется «бездушной фигуре, движимой скрытными пружинами», все слова и движения которой заранее предписаны. По мнению Бадии-и-Леблиха, «султан был таким невольником, какому нет на свете подобного».

Правителю Блистательной Порты не пристало говорить много, поэтому для него придумали ишарет – язык жестов. Монарх проводил большую часть времени в полной тишине. (Когда в 1617 году сумасшедший Мустафа I отказался учить ишарет, великий визирь заявил, что султану не подобает изъясняться на языке торговцев и воров.) Принимая послов, Сулейман был неподвижен и немногословен. Он десятилетиями не выражал ни восторга, ни жалости, ни скорби. Бус-бек вспоминает, что, узнав о победе османского флота в сражении у острова Джерба (1560), Сулейман не выразил ни

единого признака радости.

Процедура приема послов при османском дворе также окончательно сформировалась при Сулеймане I. Османы использовали любую возможность продемонстрировать иностранцам блеск и могущество Порты – поэтому прием дипломатов считался делом чрезвычайной важности. Специально для этих целей Сулейман создал при Диване особый отдел церемоний. Его штат включал в себя церемониймейстера, секретаря и переводчиков. Помимо организации торжеств и церемоний эти чиновники вели реестр муфасаль, где фиксировалось, кто из послов удостоился аудиенции у султана и какие подарки ему преподносились. Многие османские дипломаты в молодости были учениками или помощниками церемониймейстера.

Процедура приема начиналась с того, что посол изъявлял желание посетить султана, и тот соглашался. Затем дипломата сопровождали во дворец Топкапы – это делалось в день получения янычарами жалования, дабы показать зарубежному гостю, насколько сильна династия Османов. Посол Священной Римской империи Фредерик фон Крейвиц, вспоминая встречу с Мурадом III в 1591 году, писал, что тысячи янычар не разговаривали между собой, не перешептывались и даже не двигались – они стояли будто каменные статуи.

В Топкапы посла встречали два паши – они приветствовали гостя и провожали его в зал для приемов. Далее монарха уведомляли о прибытии дипломата, а янычары уносили из

зала подарки, чтобы показать падишаху.

Подаркам надлежало быть роскошными и оригинальными. В этом плане отличился голландский посол Корнелис Калкун: он преподнес Ахмеду III атласные и бархатные платья, ящичек дорогих ароматных масел, два серебряных цветочных горшка филигранной работы, хрустальный шкаф, расписной комод, полный конфет, телескоп и, наконец, европейскую новинку – механический огнетушитель. Наибольшее впечатление на падишаха произвел хрустальный шкаф – султан открывал и закрывал его, рассматривая, не менее 30 раз.

Иногда султан заставлял дипломатов ожидать аудиенции часами – и отнюдь не в лучших помещениях Топкапы. Британский посол Джеймс Портер жаловался, что комната, где его оставили, скорее годилась для приема польского еврея. В турецком сериале «Права на престол: Абдул-Хамид» есть сцена, свидетельствующая об отношении османов к официальным лицам других государств: великий визирь сперва подвергает немецкого дипломата многочасовому ожиданию, а затем запрещает ему входить к султану, ибо иностранец якобы неподобающе одет. Немец возвращается в посольство и переодевается.

По завершении предварительных формальностей посла спрашивали, есть ли у него оружие. Получив отрицательный ответ, иностранца брали за руки и вели в зал, где на троне восседал глава Османской империи. Эта мера предосторож-

ности практиковалась после того, как 15 июня 1389 года во время битвы на Косовом поле сербский князь Милош Обилич, притворившись, что сдается в плен, вошел в шатер Мутрада I и заколол его спрятанным в одежде ножом²².

Послы приветствовали Великого Турка, склоняясь до земли, передавали ему верительные грамоты, целовали руку и рассказывали о цели визита. Украинский романист Павло Загребельный в книге «Роксолана» описывает визит Бусбека в Топкапы и отзывается о нем как о пышнейшем – и одновременно позорнейшем для достоинства посланника самого императора. Этот эпизод отображает представления европейцев о том, как османы обращались с высокопоставленными иностранцами. Бусбека, одетого в бархат, короткие штаны и берет с пером (все выглядело очень убого в сравнении с тяжелой султанской роскошью), подвели к трону. Как только дипломат ступил на ковер, два огромных дильсиза²³ крепко схватили его под руки, ткнули лицом в ткань султанского рукава и потащили назад. Бусбек даже не успел удивиться.

Сообщив о цели визита, посол выслушивал ответ Великого Турка. После его выводили в соседнюю комнату, угощали обедом под руководством великого визиря и провожали из Топкапы.

²² Впрочем, историчность фигуры Милоша Обилича в современной науке остается под вопросом.

²³ Дильсиз – палач с вырванным языком либо немой стражник из личной охраны султана.

Протокол встреч был расписан до мелочей, но имели место исключения. Например, султан мог подарить послу дорогую одежду – и тогда дипломата не пускали на прием, пока он ее не наденет. Все европейцы отмечали обязательные восточные хитрости таких приемов: длительные паузы, отсутствие конкретных обещаний, попытки выудить у них максимум информации.

Английский историк Кэролайн Финкель пишет, что если Мехмед II систематизировал обычаи, принятые во дворце, то Сулейман довел систему до логического завершения. Сулейман был замкнут и закрыт даже для своих вельмож. Он перебрался в Топкапы – резиденцию, именуемую в Европе сералем. Толстые каменные стены дворца надежно скрыли правнука Мехмеда от глаз подданных. Султан стал недоступен и недостижим в своем божественном величии. Отчужденность Великого Турка раньше всех заметили проницательные генуэзские и венецианские послы – по их свидетельствам, аллеи в саду Топкапы были очень узки, ибо султан всегда прогуливался в одиночестве.

Изначально Топкапы использовался султанами только для совещаний и официальных приемов. Жили монархи на площади Баязид – в небольшом дворце, построенном для Мехмеда II (сегодня на его месте находится Стамбульский университет). Со временем этот дворец получил название Эски-сарай (Старый дворец). Его также именовали Дворцом слёз – ибо туда после смерти очередного султана переезжал

гарем покойного.

Вскоре Эски-сарай показался Мехмеду II слишком маленьким и бедным. Тогда Фатих решил воздвигнуть новый роскошный дворец на мысе Сарайбурну, где сливаются воды Золотого Рога, Босфора и Мраморного моря – буквально на развалинах дворца византийских императоров. Так началось строительство легендарного Топкапы – самой известной государственной резиденции на Востоке, ставшей домом для 25 султанов.

Слово «Топкапы» (тур. *topkapı*) переводится как «пушечные ворота» и связано с одной из первых традиций Османской династии – палить из пушек при каждом отъезде султана из дворца. Топкапы стоит на вершине холма, откуда открывается дивный вид на Босфор, Принцевы острова, Золотой Рог, Пропонтиду, горы Ионии и Олимпа.

Площадь Топкапы со всеми садами и постройками составляла более 700 тыс. кв. м. На этой территории легко могло бы разместиться государство Ватикан.

Само местоположение дворца говорило о том, что все- сильные падишахи контролируют Европу и Азию. Амичис называет Топкапы единственным историческим памятником, освещающим почти всю жизнь Оттоманской династии; памятником, где зафиксирована тайная летопись империи. Здесь Османы утвердились, достигли апогея могущества – и здесь же началось их падение. Топкапы был городом в городе и крепостью под защитой целой армии. Его старинные

стены заключали бесконечное разнообразие уголков, полных наслаждений, и уголков, полных ужаса. По словам британского востоковеда Нормана Пензера, сейчас никто не знает, сколько зданий включала в себя султанская резиденция, – но в османскую эпоху каждое из них играло свою роль в функционировании гигантского дворцового комплекса.

Захватив Константинополь, Мехмед II хранил архив и казну в крепости Едикуле. Однако в 1478 году сокровищу перенесли в Топкапы, причем было организовано две казны – государственная и султанская. Средства правителя тратились на государственные нужды только в критических ситуациях. Подобный случай имел место в 1683 году – после поражения турок под Веной покупательная способность акче²⁴ уменьшилась настолько, что Мехмед IV отдал на переплавку для монет фамильное столовое серебро.

Султан редко испытывал недостаток в деньгах. Его казна пополнялась разными способами, среди которых были налоги, дань, военная добыча и даже продажа фруктов и овощей из садов Топкапы на стамбульских рынках. Кроме того, падишахи номинально выдавали своих малолетних дочерей замуж за высокопоставленных сановников – и те должны были регулярно выплачивать августейшим тестям крупные суммы на содержание принцесс, пока «жены» не повзрослеют. Каждый султан мог похвастаться некой принадлежащей ему уникальной вещью. Так, Селим I гордился захваченным во вре-

²⁴ Акче – османская серебряная монета.

мя персидского похода золотым тронем иранского шаха Исмаила, а Мурад IV – бриллиантовым мечом и конской попоной, расшитой жемчугом.

Предмет особой гордости Сулеймана I составлял знаменитый золотой шлем. В 1530 году Сулейман и Ибрагим-паша узнали о великолепной коронации Карла V Габсбурга – в ходе церемонии папа римский Климент VII возложил на него корону Священной Римской империи. Султан истолковал это как попытку Карла V заявить о себе в качестве цезаря – но еще в XV веке Мехмед II назвал себя цезарем Рума, и данный титул передавался по наследству его потомкам.

Сулейман не мог игнорировать провокацию Габсбургов. По распоряжению падишаха Ибрагим-паша заказал в Венеции золотой шлем, украшенный драгоценными камнями и увенчанный плюмажем. Султан получил его в мае 1532 года. Этот шлем, одновременно напоминавший корону императора и папскую тиару, символизировал вызов, брошенный османами могуществу Рима.

Султаны любили делать дорогие подарки, свидетельствующие об их невероятном богатстве. Например, в 1747 году Махмуд I приказал изготовить для персидского шаха Надир кинжал. Годом раньше Надир прислал Махмуду трон из черного дерева, которого не было видно под слоем золота, рубинов, изумрудов и жемчуга. Османские послы отправились с подарками в Иран, но по дороге узнали о смерти шаха и вернулись в Стамбул. С тех пор кинжал находится в Топ-

капы и является самым дорогим кинжалом в мире.

Еще одним знаменитым подарком стали золотые подсвечники Абдул-Меджида I. Каждый из них весит 48 кг и украшен 6666 алмазами. Султан собирался отправить подсвечники в Мекку, но скончался, и они остались в Стамбуле. Впрочем, большинство султанских подарков дошло до адресатов – так, в 1590 году Мурад III послал в Медину великолепный мраморный минбар²⁵. Он до сих пор находится в Масджид ан-Набави – мечети Пророка.

Роскошь султанского двора была призвана подчеркнуть значимость Османской династии как внутри государства, так и на международной арене – поэтому окружение Сулеймана I пришло в ужас, когда, он, с возрастом став аскетичным, ел из глиняных мисок и заставил придворных делать то же самое. Неисчислимы богатства сопровождали Османов с первых дней жизни и до самой смерти – например, по традиции мать султана дарила новорожденному внуку золотую колыбель.

Сокровища Топкапы имеют различное происхождение. Это священные реликвии; военные трофеи; дары и подношения подданных и зарубежных монархов; ценности, перешедшие к султанам после казни или смерти вельмож; церемониальные и религиозные артефакты. Также в Топкапы хранится множество бытовых вещей. Курительные трубки, кальяны, туфли, кофейные сервизы, вазы, подсвечники – эти и

²⁵ Минбар – кафедра или трибуна в мечети, с которой имам читает проповедь.

прочие предметы изготовлены из лучших материалов. Они всегда стоили невероятно дорого.

У каждого экспоната есть своя история и мистическая подоплека. В XX–XXI веках Топкапы неоднократно грабили, но преступники всегда возвращали украденное. В последний раз это случилось в 2005 году. Похитители виртуозно отключили сигнализацию и вынесли несколько личных вещей представителей Османской династии. Следствие зашло в тупик, но спустя пару месяцев сотрудники музея обнаружили на пороге Топкапы сверток с похищенными экспонатами и записку. Вору извинялись и объясняли, что по ночам им снились османские султаны. Они требовали вернуть вещи во дворец и грозили страшными карами за неисполнение приказа.

За многими предметами тянется кровавый след. Примером тому – алмаз Кашикчи (Алмаз ложечника) величиной 86 карат. В его истории – как и в истории прочих известных драгоценных камней – переплетаются правда и вымысел. По слухам, в 1669 году некий бедняк нашел алмаз в куче мусора у ворот Эгрикапы и обменял у местного ремесленника на 3 деревянные ложки. Хитрый ремесленник продал камень ювелиру за 10 курушей²⁶. Слухи о прекрасном алмазе разлетелись по Стамбулу и дошли до великого визиря Фазыла Ахмеда-паши. Визирь выкупил камень и преподнес его сул-

²⁶ Куруш – монета, впервые отчеканенная в 1687 году для замены европейских монет, находившихся в обращении.

тану Мехмеду IV.

Согласно другой версии, алмаз имеет иностранное происхождение. В 1774 году его приобрел у индийского махараджи французский офицер Франсуа Пико, чью биографию Дюма взял за основу романа «Граф Монте-Кристо». После смерти Пико камень очутился в Париже. Сменив множество владельцев – в числе которых прославленный авантюрист Казанова – алмаз был выставлен на аукцион, где его купила Летиция Бонапарт, мать Наполеона. В 1815 году она продала камень, чтобы помочь сыну бежать с острова Эльба.

Драгоценность долго кочевала по Европе, пока не оказалась в руках османского вельможи Али-паши Тепеленского. Огромный алмаз обошелся сераскиру²⁷ Румелии в баснословные 150 тыс. золотых лир. По слухам, паша хвастался, что даже у султана Махмуда II нет такого прекрасного камня. В 1820 году султан обвинил Али-пашу в измене и после напряженных боев принудил его сдаться. Через несколько дней, нарушив условия капитуляции, падишах велел отрубить 80-летнему сераскиру голову. Имущество Али-паши, включая алмаз, перешло в сокровищницу Топкапы.

Гудвин насмешливо заявляет, что к XVII веку сокровищница Топкапы превратилась в нечто среднее между мощехранилищем и благотворительной распродажей. В помещении без окон пахло лампадным маслом, ладаном и камфарой. Тюрбан Иосифа и корона Авраама пылились среди ста-

²⁷ Сераскир – командующий турецкими войсками.

рой одежды. Там же хранился плащ пророка Мухаммеда – одна из мусульманских реликвий Топкапы, наряду с его зубом и отпечатком ноги. Затем – мечи: священный меч пророка, мечи султанов и оружие их поверженных врагов. В комнатах громоздились вазы, музыкальные инструменты, рулоны ткани, сапоги и туфли, подушки и моельные коврики. Посередине одного зала стояла подставка, на которой был растянут гобелен с изображением Карла V. Поверх него лежали европейские книги, карты и два глобуса: Земли и звездного неба. Британский журналист Генри Мортон называет самое уродливое из султанских сокровищ – фарфоровый сервиз с изумрудами и рубинами, вставленными в бока чашек и блюдца. Некоторые из камней достигали размеров голубинового яйца.

Наибольшее значение имели предметы, связанные с пророком Мухаммедом. Например, его зуб, хранящийся в Топкапы, считается одним из четырех зубов, которые Мухаммед потерял после удара топором в битве при Бадре (624). Отпечаток ноги пророка на куске известняка появился, когда Мухаммед помогал рабочим поднять тяжелый камень при строительстве мечети (другое предание гласит, что он сидел на коня). Выдвигались версии, по которым зуб и отпечаток ноги на самом деле принадлежали не Мухаммеду, а кому-то из его последователей. Из всех реликвий, имеющих отношение к пророку, самыми ценными признавались его знамя и мантия. Касаемо их происхождения улемы (мусульманские бо-

гословы) никогда не высказывали сомнений.

О мантии существует особая легенда. Считается, что Мухаммед подарил ее арабу Ибн Зухайру. Будучи язычником, Ибн Зухайр критиковал Коран, но позже раскаялся и принял ислам. Узнав об этом, пророк снял с себя мантию и накинул на плечи Ибн Зухайру. Его дети продали мантию Муавии I – основателю династии Омейядов; при Аббасидах она попала в Багдад, далее – в Каир и, наконец, в Стамбул.

Норвежский писатель Кнут Гамсун с присущей ему прозорливостью увидел в реликвиях Топкапы нечто большее, чем коллекцию старых вещей. Он понял, что любой предмет, имеющий отношение к Мухаммеду, является неким символом, за который мусульмане готовы убить и умереть. Взять хотя бы мантию пророка: никто не должен видеть ее, но в случае опасности ее надо поднять высоко, чтобы она развевалась на ветру, – и тогда каждый мусульманин обязан взяться за меч. Показать мантию – значит показать всемогущество.

Вторая важная реликвия Топкапы – знамя пророка. По легенде, оно сделано из тюрбана Буйрадата – врага Мухаммеда, который пал перед ним на колени, развернул свой тюрбан, прикрепил ткань к древку копья и вручил пророку в знак того, что веряет себя в его руки. Знамя было пронесено через столетия арабских завоеваний и спустя века оказалось в Каире, где правил последний халиф. В 1517 году, захватив Египет, султан Селим I завладел мантией и знаменем

– за что получил титул «хранитель двух святых реликвий».

Селим отправил знамя в Большую мечеть Дамаска, построенную еще в VII веке, при Омейядах. Ежегодно трофей несли из Дамаска в Мекку во главе процессии мусульман, совершавших хадж (паломничество в Аравию). В 1595 году знамя привезли в Стамбул – и тогда же в городе появилось множество слепых. Они ходили по улицам вереницей, держась друг за друга, и собирали подаяние. Возглавлявший процессию был слеп только на один глаз. Стамбульцы охотно подавали им милостыню. Слепцы считались святыми людьми, совершившими хадж и добровольно лишившими себя зрения – ибо увидев Благословенную Мекку и Лучезарную Медину, они больше не хотели ни на что смотреть.

В городских хрониках содержится описание процедуры ослепления. Паломник брал кусок раскаленного металла, сыпал его неким едким порошком, склонялся над металлом и ждал, пока глаз вытечет. Своеобразная мода на лишение себя зрения прошла только в XIX веке. До этого ежегодно в течение 300 лет стамбульские слепцы собирались на площади Султанамет и провожали паломников, отправлявшихся в Мекку под знаменем пророка. Помимо дня начала хаджа, знамя можно было увидеть, когда султан лично возглавлял армию, а также в случае опасности. Последний раз это произошло 11 ноября 1914 года – в тот день Порты объявила священную войну (джихад) Антанте²⁸.

²⁸ Антанта – военно-политический союз России, Великобритании и Франции,

Картины из коллекции Топкапы принадлежат кисти итальянских художников эпохи Ренессанса. В 1479 году Мехмед II пригласил в Стамбул Джентиле Беллини, и тот написал портрет завоевателя Константинополя (сегодня полотно находится в лондонской Национальной галерее). Мехмед высоко оценил талант художника и подолгу беседовал с ним об искусстве. Однажды Беллини показал Фатиху новую картину под названием «Голова Иоанна Крестителя». Султан с интересом изучил изображение и заявил, что оно неправдоподобно: у отрубленной головы исчезает шея, поскольку ее жилы и мышцы моментально втягиваются в голову. Для демонстрации своей правоты Мехмед II выхватил меч и снес голову стоявшему рядом слуге.

Беллини был не единственным итальянским художником, посетившим Стамбул. Два самых известных портрета Сулеймана I, его жены Хюррем и дочери Михримак в XVI веке написал Тициан. Еще два своих портрета Сулейман в 1539 году заказал Паоло Веронезе. На рубеже XIX–XX веков должность придворного живописца занимал Фаусто Зонаро. Он прожил в Стамбуле 18 лет, пользовался покровительством Абдул-Хамида II и считал себя преемником Беллини.

Культурные связи Порты с Европой были гораздо сильнее, чем может показаться. Леонардо да Винчи и Микеланджело Буонарроти создали проекты Галатского моста по заказу султана Баязида II. В 1502 году в Рим к папе Александру при-

езжал посол от Баязида – они обсуждали желание падишаха найти инженера для постройки моста через Золотой Рог вместо существовавшей в то время понтонной переправы. Через 200 лет после великих итальянцев немецкий художник Антуан-Игнас Меллинг помогал Хатидже-султан (сестре Селима III) украшать особняк – и параллельно рисовал виды Стамбула и Босфора.

Топкапы славится не только собранием картин, но и коллекцией каллиграфии. В исламских странах этот вид творчества вырос из аниконизма (запрета на изображение живых существ). В Дамаске и Багдаде мастеру, изысканно переписавшему Коран, платили столько золота, сколько весила полученная книга. Каллиграфия распространялась по миру с полчищами арабских всадников. Земли ислама ширились, и одним из новообращенных стал вождь тюркского племени Осман – будущий основатель крупнейшего в истории мусульманского государства. Достигнув зенита, старое золотое солнце Арабского халифата медленно тускнело и, наконец, закатилось за пески знойной Аравии. На смену ему взошел молодой белый полумесяц Османской империи.

Османская каллиграфия (хат) достигла невиданного доселе уровня – теперь она имела важное политическое значение. В 1399 году Баязид I оскорбил великого завоевателя Средней Азии, эмира Тимура, послав ему письмо, где имя правителя Порты изображалось большими золотыми буквами, а имя основателя империи Тимуридов – маленькими

черными.

Знаменитейшим мастером хата был шейх Хамдуллах, придворный каллиграф Баязида II (он похоронен на кладбище Караджа Ахмед в Ускюдаре). Султан благоговейно держал чернильницу шейха, пока тот украшал замысловатой вязью очередную книгу. Хамдуллах переписал Коран 47 раз, придумал несколько новых шрифтов (включая дивани – официальный шрифт Османской империи) и руководил росписью ряда стамбульских мечетей.

Еще одним выдающимся каллиграфом был Едикюлели Сейид Абдуллах-эфенди. Он изобрел особые чернила – и султан Ахмед III, сам занимавшийся хатом, прислал к Абдуллаху-эфенди слугу с просьбой открыть их тайну. Просьба была в высшей степени нескромной: каллиграфы готовили чернила по специальной технологии, – и этот процесс был крайне непростым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.